

СВЕТЛАНА
ДИЛЬДИНА

ПЕСНЯ
ЦВЕТОВ
АКОНИТА

МОСКВА
АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д46

Книга публикуется в авторской редакции

Дильдина, Светлана

Д46 Песня цветов аконита / Светлана Дильдина. — Москва: АСТ, 2015. — 576 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-089417-8

Причудливый рисунок ложится на лист бумаги, по диким тропам идет караван... Мальчика из крестьянской семьи судьба вознесла высоко, многие не отважились бы и мечтать о таком. Вот только Йири хотел совсем другой жизни.

А за каждый шаг вверх придется платить своей свободой и сутью, пока не останутся только долг и канон, пока не будет достигнуто совершенство...

В узор повествования, пронизанный дальневосточными мотивами, вплетено много нитей — императора и придворных, крестьян и разбойников, художников и актеров. Найдется место и рассказам о страшной нечисти — прекрасной и беспощадной. Забирающей души...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-089417-8

© Светлана Дильдина, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть первая

Избранный

Звенят стремяна, пахнет мокрой травой и лошадиным теплом. Прозрачное небо — серое от жары, облачко, похожее на бегущего зайца. Ах, как хорошо!

С привизгом девочка осаживает коня. Ее волосы с разноцветными вплетенными бусинками из крашеной глины давно не знали гребня. Спрыгивает на землю — широкие штанины не сдерживают шага. Бежит к отцу. Его ладони с грубой кожей крепки, а губы привыкли смеяться и выкрикивать команды всадникам. И сейчас он широко улыбается.

Другая девочка, рыжеволосая, застенчивая до дикости, выходит из-за спины отца. В руках ее — кукла из конского волоса. Обнимаются сестры.

А мать не покинула стен жилья. Черноволосая хрупкая женщина все время болеет, хоть и родила здоровых дочерей. Ее не лечит воздух степи, она чужеземка — и не надо о ней.

— Шафран, ты лихая наездница, — отец не скрывает гордости за старшую. — Скоро тебе тринадцать, будешь скакать на празднике Трех Даров. Награду получишь!

Его широкое темное лицо властно и весело. Она порывисто обнимает отца...

Хали вновь гонит от внутреннего взора живые картины. В пятнадцать лет беспечная юная всадница покинет сухие и пыльные степи, чтобы через два года подняться высоко — так высоко, как может женщина в этой стране. Больше она никогда не увидит родных, даже мать, рожденную в Тайё — Хээт.

Человек с глазами цвета терновых ягод запрет дитя холмистой степи в ледяную беседку, украшенную изящным и острым узором.

Та, кого называли Шафран, станет — Омиэ. Она будет любить только дочь. И умрет молодой.

«20 день месяца Выти, год 324 от Великой осады. Сияние неба погасло. Благословенная Омиэ, чья доброта согревала страну, ушла вослед своим предкам. Все Земли Солнечной Птицы, скорбят о ней, и лишь в дочери, Хали Желтом цветке, находит утешение повелитель».

(из придворных хроник)

1. Сказка

Мальчик стоял на коленях возле рыжего холмика. Цвел жасмин, и стрекозы садились на плечи. Все осталось, как раньше — так же скрипит колодезный ворот, так же саднят царапины, оставленные колючим кустарником. Только родителей нет. Почему? Они были совсем недавно, еще зимой, а потом заболели. Мальчик не плакал — видя чьи-нибудь слезы, тетка, толстая шумная женщина, сама начинала реветь в три ручья. Тетка была незлой, но ворчливой. Судьба подарила ей трех детей — двух девочек и еще одного мальчика, только очень маленького. Он все время кричал. Просил есть.

Сзади затрещали ветки. Мальчик быстро поднялся с колен.

— Йири, вот горе! Перестань ходить на могилу, не тревожь души родителей! Наказание, а не ребенок!

Мальчик молчал, теребя верхнюю губу. Он всегда слушал старших, но тут были *его* родители. Он угрюмо зашагал вслед за теткой. Все же она кормила его.

— Йири, сделай нам игрушку! — тут же пристала старшая из сестренек. Младшая толком не говорила еще. Мальчик огляделся по сторонам, увидел рогатый корешок на земле, обмотал его стеблями повилики, кончик стебля оставил свисать.

— Смотри, это бык. Он говорит: «муу!»

Девочки засмеялись. Потом старшая полезла на веревочные качели — она любила качаться. Йири взялся одной рукой за веревку, другой — за сиденье, темную доску. Слегка подтолкнул...

Хромая, вышел дядя в почти новой темно-синей куртке-кэссу. Собрался в большое село? Или просить в долг у соседа? Йири видел того однажды. Худой, но важный. Говорят, у него есть дочь немногим младше Йири, и он души в ней не чает. Мальчик вздох-

нул. Его, Йири, наверное, тоже любят... Только не очень-то это показывают.

— Ребенок, иди сюда! — это тетка. Опять ей в чем-то надо помочь. И малыш опять плачет. Может быть, ему одиноко? Но почему? У него ведь есть папа и мама. А родная сестренка Йири тоже умерла...

Месяц Лани, четыре года спустя

Йири вышел из дома. Он стал уставать от постоянного шума, который сопутствовал двум младшим детям, хотя возиться с ними было приятно. Прищурясь, мальчик смотрел на солнце. Оглянувшись через плечо, покачал головой. Совсем развалился домик. Плетви ползучих трав, осмелев, подбираются к окнам. Доски старые, гнилые. А новых — где взять? Тут уж не до роскоши, выжить бы, да налог заплатить. Вот и дядя болеет... Устает, едва взяв в руки лопату, все время кашляет. О том, чтобы принести дров, и речи нет — как ни трудно, и топор держать приходится мальчишке. Весь дом, грядки, поле размером чуть не с ладонь — только с голоду не умереть, забота о младших детях — на Йири и тетке. Старшая девочка тоже старается, но толку от нее мало. Она глуповата и часто словно спит на ходу. А вторая сестренка — шустрая, но мала ростом даже для пятилетней. Мальчик хотел, чтобы она подольше побыла ребенком, побегала, поиграла. Порученную ей несложную работу часто втайне брал на себя.

Йири оглядел свою одежду, вздохнул. Запашиная рубашка с дядиного плеча — перешита, но все равно велика. Штаны тоже большие, и от времени выцвели. В деревне нет богачей — кроме того, что живет за озером.

Вчера Йири видел там девочку. Она каталась на лодке. Ее одежда просто светилась. А как звонко смеялась та девочка! Интересно, она красивая? Наверное, это дочь богача. Тогда это ее зовут Лин. Имя как золотой колокольчик. Получится ли снова ее увидеть?

Мальчик вновь оглянулся и побежал по тропинке, боясь, что вслед раздастся жалобный теткин голос. В кленовой роще Йири остановился, перевел дыхание. Кажется, получилось. Он заслужил отдых. Мальчик направился к озеру. Цвел жасмин и фиолетовый «бычий глаз». Вовсю болтали сороки.

...Йири издали услышал смех — колокольчик. Шарахнулся с тропинки прямо в заросли, и вовремя. Мимо пронесли паланкин.

Занавеска была отдернута, и милое личико смотрело по сторонам. Дочь богача возвращалась домой. У нее были темно-голубые глаза и круглый подбородок. Восхитительное видение! Йири она не заметила. Мальчик сел на тропу, глядя вслед паланкину, оперся рукой о щеку. Он улыбался.

Два года спустя зима выдалась на редкость холодной. Почти три недели лежал снег. Неглубокий, не такой, как в горах, — но стыла под снегом трава, и неопавшие листья дрожали под ударами ветра. Озеро не замерзло — все так же солнце играло неровной рябью, все так же отражались в воде стволы молчаливых деревьев, только рыба бродила у дна — и плыли по озерному зеркалу мертвые листья, не сумевшие удержаться на ветках.

В деревне умерли трое. Семью Йири смерть не задела, а маленький холм — к нему мальчик ходил теперь редко — украшен был россыпью птичьих следов. У птиц была своя письменность-яна...

Девочка Лин болела. Йири молился за нее, как умел. Просил за нее у всех — у холодного мокрого ветра, у колкого снега, у редкого бледного солнца... Даже у трав, которые гордо стояли под снегом, просил он силы для Лин. А ведь она не перекинулась с ним даже словом. Йири просто любил смотреть на нее, как на радугу, на лепестки бледно — розового вишневого цвета. Дядя ворчал на мальчишку — а тот не мог понять, что в этом дурного. Разве нельзя улыбаться, зная, что Лин живет на земле?

Впрочем, и дядя, постаревший, сильно хромающий при перемене погоды, жалел заболевшую девочку.

— Девчонка-то добрая, ласковая. Слуги от нее слова плохого не слышат. Жаль будет, если умрет.

При этих словах Йири испуганно вскидывал голову — и выбегал из дома. Прислонившись к стволу, шептал, как заклятье, отчаянную просьбу о той, что только раз улыбнулась ему, даже не зная имени.

...Когда темнело, часто выл ветер, и было жутко даже возле огня. Казалось, что за окнами бродит существо с ледяными руками, в серо-белых лохмотьях одежд. Сестренки жались к Йири — мать постоянно вздыхала, поминая зиму недобрим словом и предсказывая всем в доме скорый конец. Йири, не отрываясь от очередной домашней работы, рассказывал им сказки, услышанные летом от старого полуслеплого корзинщика, который этой зимой окончил свои земные труды.

В этих сказках были прозрачные феи, напоминавшие голубые и сине-зеленые струи ручьев. В них были говорящие птицы —

длинноносые оборотни, способные шутки ради завести человека в самую глушь и там бросить, и вредные *ишильке*, чьи проделки вызывали смех. В них были *ишииро* — духи, так же подобные оборотню, принимающие обличья прекрасных детей или юношей и девушек — и выпивающих кровь и душу поверивших им. Сестренки дрожали от страха и от любопытства, закрывали глаза ладошками — но поднимали гвалт, стоило Йири умолкнуть.

Тетка ругала племянника за такие рассказы — но, забываясь, слушала его сама.

— И складно же у тебя выходит! — поражалась она, подпирая ладонью щеку. — Выучить бы тебя да отправить в столицу — поди, должность бы получил! И нам награда на старости лет!

Дядя расправлял свою старую зимнюю одежду, хмуро смотрел на огонь.

— Не забивай голову мальчишке! Я с ногой этой проклятой едва хожу, а сын когда еще подрастет.

— Я не хочу в столицу, — смеялся Йири. — Там, верно, по улице не пройдешь, столько народу, и все чужие. А тут — и вы, и лес.

А потом были новые дни. Мороз отступил. Весна подходила все ближе, — и деревья, и птицы ощущали ее приближение. Молитвы Йири не были напрасными. Лин выздоровела.

...Он собрал под кривыми корнями бледно-желтые первоцветы. Оставил их у мостика, на котором любила стоять Лин.

Месяц Рыси вступал в свои права, прогоняя месяц Чирка. Созвездие, названное именем кошки с кисточками на ушах, царяло небесный свод — и с него падали звезды.

— Ты еще мальчик, — грустно сказала тетка, — но тебе придется стать взрослым. Твой дядя решил — этой осенью тебе придется уйти с караваном. Будешь помогать с лошадьми — ты хорошо ладишь с ними. Знакомый кузнец договорился насчет тебя. Сделал нам доброе дело...

— Я не оставлю вас, — откликнулся Йири. — Дядя совсем болен, брат еще мал. А девочки... что они могут?

— Нам нужны деньги, малыш, — возразила она. — В деревне — свои люди, как-нибудь проживем — осенью легче. К нам переберется племянник мужа моей тетки. Будет вместо тебя пока. А ты поучишься новой работе. Может, потом устроишься лучше нас...

Йири молчал, грустно улыбаясь. Он любил эти места и никогда не мечтал путешествовать — особенно по дорогам между соседними городами. Он знал, что там — то же самое. Те же заботы — свои у богатых и бедных. А здесь были — могилы родителей, были его

сестренки и Лин. Здесь цвел жасмин, плыли по озеру смешные хохлатые утки, и мостик, горбатый и важный, нависал над ручьем.

...Тетка не знала, что он слышал их разговор. Йири сидел возле двери, вырезая фигурку из куска дерева, когда тетка в очередной раз причитала — трудная жизнь, бедность. Потом мальчик уловил свое имя.

— Жаль его, — говорила она. — Полдома на нем держится. И хоть бы слово наперекор.

— Хороший мальчишка, — голос дяди был хриплым. Он много кашлял после холодной зимы, еще больше, чем раньше.

— Боялись, что будет обузой, — отзывалась тетка, будто признавая какую-то вину. — А он вон как... И девочки к нему льнут, не отгонишь — он им как родной. Жаль отсылать. Тяжело ему будет. Сам знаешь, мальчишек в дороге гоняют как проклятых. Что потяжелей — все на них. А ему всего лет-то...

— Справится, — хмуро отвечал дядя. — Не младенец. Разве тут ему многим легче? Тем, кто в бедной семье родился, счастья ждать не приходится. Да к тому же эта девчонка...

Йири застыл. Оторвать его от двери теперь было невозможно.

— Дочка нашего богача...

— И что же плохого? — спросила тетка.

— Слишком часто я встречал его возле озера. А еще он торчит на дороге, поджидая свою ненаглядную. Зимой, когда она болела — ведь извелся весь. Сейчас-то он мальчик, а вырастет? Так и будет сохнуть по ней всю жизнь? Ей-то, поди, жениха уже сейчас выбирают. Отец кому попало свое сокровище не отдаст, выберет побогаче да познатнее. Может, девчонку и в город увезут. Не в столицу, конечно, — там такими, как ее отец, пыль подметают, и все же не стоит племяннику думать о ней.

«Зачем вы!» — чуть было не крикнул Йири. «Я знаю, что я ей не пара, и что тут плохого? Она даже не знает меня!»

Но он промолчал, сдержался. А тетка снова заговорила. В ее голосе звучала обида.

— Беднякам никогда не везет. А мальчишка хорош. Прямо цветок ириса. В мать уродился...

— И где она, красавица сестрица твоя? Семь лет как в могиле. И, думаю, это для нее лучше. Осенью Йири отсюда уйдет. Не смотри так сердито. Я не выгоняю сиротку из дома. О себе ты заботишься, а не о нем. Трудно будет — так выдержит. Может, где и найдет свое счастье...

Тетка что-то пробормотала в ответ, но Йири не слышал. Он отбежал подальше от двери, сел на тропинку, обхватил колени руками. Зачем они так о Лин... Она ведь еще так мала — какие ей женихи? А когда вырастет... Да пусть бы хоть десять раз ее выдали замуж, лишь бы не увозили. Она — как фея этих лесов, ее нельзя забирать!

Внезапно он испугался, что Лин уже не живет на озере. Он вскочил и, не разбирая дороги, помчался к горбатому мостику.

На мостике не было никого, только стрекозы вились над водой. Мальчик вцепился в перила, отчаянно глядя на высокую ограду дома. Как узнать там ли она? Заберешься — сочтут за вора. Нельзя! Плохо придется всей семье.

Йири ждал долго. Так и не дождавшись, не углядев никого из слуг — расспросить, — побрел домой. Встретили его не слишком ласково; впрочем, потом тетка смягчилась.

— Вот подарочек оставила родная сестра! И как тебя в раннем детстве длинноносый оборотень не забрал!

Вскоре в жизни мальчишки случилась неожиданная радость. Йири любил рисовать, и, хотя такую роскошь, как бумага, тушь и краски, родные предоставить ему не могли, он находил замену в угле и древесных срезах. Рисовал то, что видел — во сне или наяву. Ветви в цвету, траву, поникшую под дождем, рваную паутину среди упругих стеблей. Или играющих в мелком снегу детенышей лесовика — юо...

Дальний родич тетки, проездом заглянувший к ним, был мелким чиновником и ровней деревенскую родню не считал. Однако Йири пришелся ему по душе — и он оставил мальчишке в подарок немного бумаги и две коробочки дешевой цветной туши — настоящей, не чета блеклым деревенским красителям. Кисть Йири смастерил сам из конского волоса. Теперь рисунки мальчика были трехцветными — зеленый и красный причудливо смешивались с черным углем. Тетка привычно ворчала, когда видела племянника с кистью в руках, и она же первая бурно восторгалась простыми рисунками Йири. Они были во многом неправильны и неуверенны, но в них жила своеобразная прелесть, невесомая, как метель лепестков весной.

К тому же мальчишка нашел способ доставить радость младшим детям — теперь он раскрашивал вырезанные из дерева игрушки в яркие цвета. Лето было счастливым, летело как песня. Если бы не осень, которая подходила все ближе...

Когда месяц Журавля, *анна-и-Хита*, тронул листья огромных ясеней желтым крылом, Лин привычно взбежала на мостик, лю-

буясь ладошками поздних кувшинок. Пара слуг скучала невдалеке, коротая время за игрой в кольца. Бросив взгляд влево, девочка замерла. Возле перил лежала искусно вырезанная из дерева цветущая ветка сливы. Лин осторожно коснулась ее, улыбнулась. Словно весной повеяло над осенним прудом. Краем глаза Лин разглядела мальчишку, спрыгнувшего с ветви старого дуба, который рос возле ее любимого мостика. Мальчишка стоял и смотрел на девочку. Лин помахала ему рукой, рассмеялась. И, сжимая ветку в руке, побежала прочь, заслышав голос отца.

Неделю спустя дядя позвал Йири к себе и долго разговаривал с ним. Деревенские жители были бедны почти поголовно — как и во всех небольших поселениях глухих провинций. Йири знал, что придется уйти, что работой на грядках или помощью корзинщику в деревне он не принесет денег семье — а просить для него место среди слуг отца Лин дядя не станет. Йири и сам не хотел этого. Лучше таскаться по дорогам в дождь и ветер, чем получать деньги от ее отца.

Хозяин каравана брал Йири к себе на три месяца, до наступления зимы. Зимой движение на торговых путях севера прекращалась. Если мальчишка справится со своими обязанностями, весной он вернется к прежней работе.

Конечно, силой выгонять Йири из дома никто бы не стал. Если мальчишка воспротивится возвращению к караванщикам, он будет вынужден думать, как иначе доставать деньги. Против этого Йири не мог возразить, даже если бы захотел.

Дядя сам решил отвезти мальчишку в соседнее крупное село, где останавливался тот караван. Прощание с семьей не затянулось — дядя не допустил этого. Лишь тетка умиленно всхлипнула:

— Цветочек ты мой! — и смахнула слезу. Йири удивленно взглянул на женщину. Обычно она только беззлобно ворчала или вздыхала при виде племянника, вспоминая сестру.

Невысокий, с огромными ласковыми глазами олененка и волосами, пушистыми, словно зимний мех белки, Йири был удивительно ладным, хотя многие мальчишки в его возрасте обретали забавную неуклюжесть подростков.

Старшая из сестренек — в ней уже начинали проступать черты будущей девушки — с плачем прильнула к брату.

— Возвращайся скорей!

Он прижал девчужку к себе, погладил черные косы.

— Что же ты плачешь? Птицы зимой улетают поближе к теплу, и ты не слышишь их песен. Но ты же знаешь — они вернуться весной. А я приду зимой.

Простившись со всеми, он замер на мгновение, не сумев сдержать вздоха. Дядя угрюмо взглянул на него, словно прочитав мысли племянника.

— Довольно. Идем.

До места добрались за день, на старой повозке. Идти пешком было бы ничуть не медленнее, но такой путь был не для больной ноги дяди. Разбитая дорога не вызывала желания смиренно сидеть в повозке, и мальчишка часто спрыгивал с нее и шел рядом. Миновали светлое озеро, на берегу которого стоял дом Лин. Йири пару раз оглянулся, вызвав недовольство родственника, которому казалось, что все может сорваться или вообще пойти не так, как следует.

— Смотри, — дядя ронял слова, как всегда, хмуро, — я говорил со старшим в караване. Он за тобой присмотрит, защитит, если что. В остальном — уж как себя поставишь. Работы ты не боишься, а люди бывают всякие. Я хочу тебе только добра, хотя ты вряд ли считаешь меня добрым.

Мальчишка пропускал слова мимо ушей — за последние он только это и слышал. Он то и дело притрагивался к висящей на шее фигурке из зеленоватого халцедона — защитница деревни, казалось, обещала ему свое покровительство.

В селении, куда прибыли они с дядей, Йири уже приходилось бывать. Оно было крупным, грязным, шумным и не нравилось мальчику. Однако сейчас он даже не обратил внимания на место, куда приехали, — был слишком взволнован предстоящей встречей с начальником каравана.

Тот оказался немолодым, суровым с виду и похожим на воина, не на торговца. В молодости он и впрямь служил в войске одного из наместников. Хиранэ — так звали старшего — явно ожидал более высокого и крепкого с виду подростка, однако не сказал ничего. Йири почувствовал доверие к немногословному жесткому человеку. Он даже не пожалел, когда дядя, «передав» его в новые руки, покинул селение; хотя и поглядывал с опаской на остальных караванщиков. Многие из них, судя по речи и по зеленовато-черной одежде, были уроженцами северо-восточных областей — а таких тут считали особами подозрительными. Йири выжидающе поднял глаза на старшего. Однако Хиранэ отвлекли, и Йири оказался ненадолго предоставленным себе самому. Мальчик растерянно огляделся по сторонам, краем глаза увидел черную тучу, которая встряхивала длинной густой гривой. Мальчишка восторженно замер. Такого огромного коня ему не приходилось видеть. Глаза вороного казались довольно злобными, однако жеребец был

настолько красив и с таким надменным видом глядел на Йири, что тот не выдержал.

— Эй, ты что, громом ударенный?! В Нижний дом захотел?! — зорал кто-то из караванщиков, знавших бешеный нрав коня. Йири даже не оглянулся.

...Когда воронья махина, сперва сердито косящая глазом, тихо заржала и протянула морду к куску сладкого хлеба в руке мальчишки, а тот, не пугаясь огромных копыт, потрепал коня по щеке, Хиранэ удовлетворенно кивнул, хотя лицо его, похожее на маску из твердого дерева, осталось непроницаемым.

С рассветом караван тронулся в путь. У Йири была хорошая память — имена спутников он запомнил сразу. А те были не слишком похожи на людей из его деревни — держались самоуверенно, говорили отрывисто, быстро, и шутки у них были странные для уха Йири. Многие связывали волосы на затылке в хвост, как водилось за жителями северных провинций. Такую прическу Йири знал хорошо, хотя в его деревне и близких к ней поселениях мужчины обычно срезали волосы коротко. А караванщики... С этими людьми Йири чувствовал себя неуверенно.

Вот лошадей он понимал хорошо и сразу. Больше всех ему приглянулся Черный, конь господина Хиранэ, и Сполох, красный конь одного из охранников. Он разговаривал с ними, как с равными по уму, что забавляло некоторых караванщиков. Впрочем... порою над ним подсмеивались, порой рывкали на него, но в целом Йири, похоже, пришелся караванщикам по душе. Только один человек сразу принялся отравлять ему жизнь. Райху, невысокий остроносый нахал со скользкой улыбкой. От его шуточек и святому бы стало тошно.

Йири старался не попадаться ему на глаза, благо дел хватало. Вычистить лошадей, накормить их, починить упряжь, почистить и мелко нарезать коренья для очередной похлебки, вымыть котлы после еды караванщиков, выполнить распоряжения Хиранэ, да и просто любого, кому вздумалось дать мальчишке работу. Он еще дома привык справляться со многим одновременно, и все же ему было трудно. Руки его были привычны к тяжелой работе, однако мелкие ссадины на них не успевали заживать. На привалах он отыскивал травы, соком которых смазывал ранки. Травы он знал лучше любого из караванщиков, и те скоро поняли это, порою просили помочь.

С лошадьми хватало других забот. Сполох, отличавшийся скверным характером, взревновал его к Черному и норовил уку-

силь или лягнуть собрата. Черный также не оставался в долгу. Заболела одна из рабочих лошадей вдалеке от жилища, и конюх был злым от бессилия. Тут уж было не до Райху с его мерзкими шуточками. Порою надо было собрать всю волю, чтобы утром открыть глаза и сдвинуться с места.

Осень была благосклонна к мальчишке, впервые покинувшему дом. Дни стояли на удивление теплые, золотистый ласковый ветер бродил по дорогам, внушая людям ложную надежду на вечное лето. Перешли через Орэн. Йири был очарован спокойной широкой рекой — в ее светлой воде словно отражалось иное, высшее небо. Караван долго продвигался вдоль берега, и мальчишке нравилось разговаривать с рекой, опуская ладони в воду. Тусклая береговая осока шуршала ночами, не обращая внимания на костры и людей, осока — дитя и стража реки...

Йири никому не перечил, но спокойное достоинство, странное в крестьянском мальчишке, нравилось спутникам, хотя и удивляло их немало. Подросток из глухого угла, он часто бывал наивным, но никогда его наивность не оборачивалась глупостью. Присутствие мальчишки и впрямь грело душу. Он выглядел слишком хрупким для тяжелой работы — однако в иные вечера вместо того, чтобы падать и засыпать раньше всех, ухитрялся еще сидеть в одиночестве у костра или на берегу реки, глядя на огонь или воду.

— Да тебя вместо лошади можно в повозку впрягать, и дотянешь ведь, — шутил старший. — А по виду не скажешь. Я ведь тебя когда увидел, чуть обратно не отослал. Смотрю — не крестьянский мальчишка, а цветочек какой-то.

Йири улыбался, плотнее запахивая ворот выцветшей синей рубашки, легкой для осени. Он привык все время идти куда-то, привык к своим спутникам. Провожая взглядом встречных бродяг, думал: откуда они, что ждет их в пути? О себе не задумывался, доверяясь Иями. Видя журавлей в небе, невольно прищурился, пытаясь понять, нет ли среди них сине-голубого тэммоку, посыльного Охотницы и Защитницы.

Селения, куда заходил караван на пути в город, вызывали у мальчика легкий интерес, и то ненадолго. Среди шума и толчеи он чувствовал себя чужим. Сначала Хиранэ отпускал его побродить по улочкам, пока не понял, что мальчишке приятнее в свободное время сидеть с листом дешевой бумаги в руках и рисовать или вырезать из дерева странные фигурки, чем толкаться на рыночной площади или носиться с другими мальчишками по селению. Йири чувствовал облегчение, когда караван снимался с места.